

РУЛЬКА, УТИЩА И КАПУСТА

ЕЩЕ

так

ЗВОНИТ

красоты. А
теряют у меня свои очки,
и перчатки, то это же мои

своим **simkaM** и

САМ

А-ХА-ХА!

помощь Кирюхе не
? — мелко осаживает Бим.

ЕСЛИ есть хвост, так

ПУСТЬ задерёт.

Пусть **ПЕРКНЕТ** разок, если так
Я... сибиряк. Спасать

АРХИТЕКТУРЫ!

разрешаю и **ПЕРКНУТЬ** для

ловкости **ЕЫСКА** и спрыснуть
отпечатки. Пальцев, пальцев. Я сам что ли

ЯРОСЛАВ ПОЛУЭКТОВ
ДУАЛИЗМУС
ДИЛ
БОЙ
РИТМ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО

как на зашиге, ответ.
БРАТЬЯ

ta-ta-

Ярослав Полуэктов

Рулька, утица и капуста

«Издательские решения»

Полуэктов Я.

Рулька, утица и капуста / Я. Полуэктов — «Издательские решения»,

Это избранный «шванк» из забавного, гротескного романа-хождения «ЧОЧОЧО», который, по мнению автора, как шлюпка от большого корабля, вполне го́ж для самостоятельного «плавания» в мире литературы. В данном произведении герои-путешественники, попавшие в Мюнхен, рассуждают не только об особенностях этнических немецких блюд.

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Рулька, утица и капуста

Ярослав Полуэктов

© Ярослав Полуэктов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Киря с утраца: «Порфирич, мать твою, где крышка от кастрюльки? Прозрачная такая была. Щас гречки шмальнём с мяском».

Порфирий Сергеич Бим (Нетотов), проснувшись и вникнув мгновенно:

– Крышечку мы под Казанью забыли. В мотельчике. Когда вы меня, гады, травой накормили. Гречка в гараже, Ксан Иваныч прячет чип, где мы её щас найдём? Кстати, а где Ксаня? Чёт он мне не по глазам. Ксань! Ау!

И, немного погодя, не обнаружив Клинова: «А плитку нам тут всё равно никто не даст. Чо, немчура, думаешь, захочет себе махонького пожарчика? Правильно, не захочет. А нашенская русская плитка... она с русской вилкой, а тут все розетки – евры: нашу вилку хрен туда засунешь».

– Засунешь, если захочешь, – с убеждением, будто делал это не раз и не два, сказал Кирьян Егорович. Имел он в виду несколько другое, нежели электрические предметы.

– А я говорю, забудь про жаркое... ещё и с утра, – подытожил Бим, – вы, уважаемый, не в России. И не на обочине с шашлыком. Будем лопать по местным правилам: холодное. Как миленькие. Кстати, а что там у нас на подоконнике лежит... с вчерашнего устатку, а? Глянь, Кирюха, а я покамест сортир проверю.

– Проверь, проверь, может, кто из прежних колечко с бриллиантом оставил...

Никто не подарил путешественникам колечка. Ошибочка получилась. И вообще пока-тило не по тем гастрономическим рельсам, что приснились Кирьяну Егоровичу.

Представим теперь по-мемуарному честно и по возможности литературно. Например, вот так, сочно и патриарше вычурно, с налётом заезжей в Гейропу азиатской придури:

«Прираннее пристраннейшее проиностранное наинемецкое Его Святейшество Следующее Утро освятило светом своих параллельных лучей столицу Баварии».

А что, красиво получилось у будущего писателя *русских иванок*. Обновил, понимаешь, немецкую традицию... Слил во единое целое славянское и германское. Пусть *да будет так*.

Шум проснувшихся спозаранку немецких машин, словно дело происходит не в современном городе с прорезиненным асфальтом, а на обочине капитализма с бульжниками, элементарно забирается в распахнутое окно третьего этажа хостела Мейнингер. Того самого, единственного и неповторимого в своей простоте, что расположен на Байерштрассе.

Пристанище это ещё долго будет гордиться нашими путешественниками: так взлетел его рейтинг по опубликованию сей *InterEthnische Arbeit*, написанной пожилым балбесом по имени Кирьян Егорович Полутуземский, в немецкой прессе.

Ещё и рекламную табличку на поверженный Ксан Иванычем столбик (помните знаменитую «Парковку задом»?) повесят. «Те-то и те-то оригиналы с писаками – все эти *недоделанные кобели из России* – были тут».

Байерштрассе через полтора километра упирается в Карлсплатц, а от неё до Мариенплатц – сердца Мюнхена, рукой подать. Так что, если, отгалкиваясь от идеи сердца, принять Мюнхен за целую свиначью тушу, то хостел Мейнингер при такой расподаче это внутренний мочегонный орган. Соответственно сама Байерштрассе это хвост, или, извините, дамочки и дамессы, струя.

Коллективу велено приступить к осмотру достопримечательностей с того места, откуда указанная струя имеет честь проистекать.

Время выхода как всегда – ещё с вечера – определил генералиссимус Ксан Иваныч. В действительности никто не мешал отдохнуть полноценно и проснуться часом – двумя позднее,

делая скидку на вчерашнюю пирушку в Августинере. Но приказ генерала прозвучал последним, как сигнал отбоя. А правом вето, ибо не в армии-таки, а тем паче не в подчинении, никто, *будучи в смятении* и в последствиях *алканья*, воспользоваться не догадался, да и не хотел.

А и то правда, и чего зря волноваться и претендовать на вящее слово снизу: субординация и порядок среди нижних чинов, по каким-либо причинам приближенных к верхним, и которые, как правило, в любой армии составляют полупридумки с тыловиками, лизоблюды и воры, только укрепят общие успехи в реализации геройских проходческих планов, сочинённых *генерал-индивидуалом*.

– Разночтения, инакомыслие, неторопкость лишь развращают участников кампании и тормозят общий толк. С таким настроем и отсутствием самопожертвования в армии ни одни Альпы не были бы перейдены. Что, много ли среди суворовских вояк было альпинистов? Да ни одного по большому счёту! Вот то-то! В беспрекословном подчинении одному гениальному до сумасшествия планировщику был смысл успеха!

Примерно так считал Ксан Иваныч.

И взвалил на себя основную ответственность. Он и штурман теперь, и капитан команды, и рулевой за баранкой...

Баранка, бараны, стадо домашних животных, шлёпающих на неведомые луга с изумрудной травкой... К-конопля, мать её! Поближе к чистой ключевой воде... Б-без газа. А т-там пастушка... Б-барашка потеряла, нашла след в-волка, рядом след от копытца: попили, следственно, водички! Залила д-девонышка земельку слезами... С-сарафанчик подмок. Из-под сарафанчика кружачики торчком. Шапочка красненьким *алеет*. Скоро месячные у неё. Бабушка старенькая неподалёку... вышла из ума, ждёт волка в гости. Тирольские *стрельцы* под боком. Словом, полный штампованный набор...

– Мы и есть бараны в стаде, – думает Кирьян Егорыч, – а Ксан Иваныч *зело* наш пастух, или в применении к людям и слепцам – поводырь. А что делать, если оно так и есть. Кроха-Малёха так и считает, он привязан к папе, он обожает папу, и верит папе. И у него к нам – баранам-оболванам, ещё и взрослые... трёпла языком, никакого уважения. Но мы-то знаем... что почём... И... Да и ладно, вот и весь писательский «и». «*Исдох*» – вот критический перевод псевдокрасноречивого «и».

Завтрак по-быстрому собран из вчерашних августинерских недоедков, по-русски бесстыдно собранных с «новоподдубного» стола *кайзер-меркелевого* производства, а также из древних чешских запасов.

Взрослым, как говорится теперь, по барабану что истреблять... и даже надо практически *истреБЛЯДЬ*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.